

РУССКИЙ ЯЗЫК СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

УДК 81'25

**ОПТИМИЗАЦИЯ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА
НА РУССКИЙ ЯЗЫК****OPTIMIZATION OF SIMULTANEOUS
INTERPRETATION INTO RUSSIAN**

Ольга Валерьевна Евтушенко
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

Olga Valerievna Evtushenko
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Аннотация

Статья посвящена анализу ошибок, возникающих в процессе применения стратегий синхронного перевода, и их классификации в зависимости от степени риска информационных потерь. Рассматриваются такие недостатки синхронного перевода, как неясность или двусмысленность высказывания, появление отвлекающего комического эффекта, необходимость дополнительного времени и усилий на обдумывание, калькирование, нарушение литературных норм, ведущее к имиджевым потерям. Ставится задача выработать дидактические рекомендации для улучшения качества синхронного перевода в целях облегчения его восприятия адресатом.

Ключевые слова: синхронный перевод, русский язык, стратегии синхронного перевода, классификация ошибок в переводящем языке.

Abstract

The paper looks into ways of identifying and analyzing mistakes typical of simultaneous interpretation into Russian (not contingent on the source language). The strategies of simultaneous interpretation are first examined as a cause of misused speech patterns which result in information losses. The findings revealed the following factors affecting the quality of simultaneous interpretation: ambiguity of an utterance, a comic connotation impeding interpretation, lack of time to think a phrase over, loan translation, violation of literary norms.

The study aims at developing theoretical foundations for didactic guidelines and a system of exercises to boost the quality of simultaneous interpretation into Russian.

The analysis is based on the records of simultaneous interpretation of the world leaders' speeches into Russian at the 72-nd UN General Assembly featured on the UN official site.

The paper consists of three parts. The introduction describes relevant features of simultaneous interpretation as communicative activity: time limit, linear character, split attention of the interpreter; as well as the strategies of simultaneous interpretation which are more likely than other translation techniques to impair the quality of translation.

The author's classification of common mistakes is based on the assessment of the communicative effect retained in the target text.

The body of the paper focuses on certain types of translation mistakes, their causes and recommendations as to how to avoid them.

The author points out the downsides of probabilistic forecasting method, which entails extensive tautology, mistakes in defining functional sentence perspective and distorting grammatical sentence structure.

It was also found that the linear strategy might provoke cognitive metaphoric mismatches in a complex sentence.

It is argued that conference interpreters tend to ignore the basic differences in the linguistic maps of the world, looking instead for commonly matched words.

Finally, the author concludes that good quality simultaneous interpretation calls for a comprehensive approach based on dynamic, cognitive, denotative, interpretative, communicative models of translation. This approach requires mutual effort of specialists from different research areas: Russian philology, translation and interpretation, cognitive science.

Key words: simultaneous interpretation, the Russian language, simultaneous interpretation strategies, classification of mistakes in the target language.

Введение (цель, материал исследования, методология). Профессиональный синхронный перевод ведет свое существование с Нюрнбергского процесса. Подъем его теоретического осмысления в психолингвистическом, переводоведческом, лингводидактическом аспектах в нашей стране пришелся на 1960–1980-е гг. [Чернов]; [Ширяев]. В этот период были описаны характерные особенности синхронного перевода:

– Жесткие ограничения во времени.

Статистические подсчеты показали, что длина перевода на русский язык в слоговом отношении всегда больше длины исходного текста. Это различие нельзя компенсировать за счет увеличения темпа речи переводчика, поскольку оптимальным для его работы является средний темп. Отставание синхрониста от выступающего допускается в среднем на 1–3 секунды, в особых случаях не более чем на 9 секунд.

– Линейный характер.

Переводчик не знает правого контекста. В случае ошибки в выборе эквивалента для исходного слова, грамматической формы, синтаксической структуры он не может вернуться к началу фразы, чтобы исправить неточность. Корректировка возможна только при дальнейшем развертывании высказывания.

– Раздвоение внимания переводчика.

Синхронист работает с двумя языковыми кодами и при этом осуществляет два вида речевой деятельности – слушание и говорение [Нелюбин: 76–78], что создает серьезное психологическое напряжение.

С учетом этих особенностей были выработаны стратегии синхронного перевода, из которых важными для нашей статьи являются:

– вероятностное прогнозирование [Зимняя, Чернов] – моделирование того, как будет развертываться начинающееся звучать высказывание с учетом возможных вариантов,

– сосиссонаж, или стратегия линейности, – перевод по смысловым группам, синтагмам, коротким предложениям, вычлененным из сложных синтаксических структур с разнотипными связями; при таком подходе синхронист работает с дискретными единицами перевода, не имея полного представления о широком контексте,

– компрессия – сокращение слоговой длины перевода за счет игнорирования дополнительной и уточняющей информации и/или за счет перестройки структуры предложений,

– знаковый перевод – калькирование незнакомых терминов, буквальный перевод устойчивых сочетаний; эта стратегия признается уродующей конечный продукт и применяется лишь в крайних случаях.

Ошибки, допускаемые синхронным переводчиком, в специальной литературе сильно преуменьшены (на это обращает внимание В.М. Илюхин [Илюхин: 22]). Их принято делить на

две группы: возникающие из-за невысокой речевой культуры синхрониста и спровоцированные несогласованностью между выступающим и переводчиком. До недавних пор последний аспект и был объектом критики, однако утрата синхронным переводом сиюминутного характера из-за фиксации аудиозаписей в Интернете и, как следствие, количественное и качественное изменение адресата заставили лингвистическое сообщество взглянуть на перевод с точки зрения получателя, не знающего исходного языка и потому воспользовавшегося услугами синхрониста (ближе других к этой задаче подошли Е.Е. Михайлова и А.Г. Фомин [Михайлова, Фомин]). При таком подходе речь может идти в том числе об универсальных ошибках синхронного перевода на русский язык без учета второго члена языковой пары. Для их выявления нами были использованы записи синхронного перевода на русский язык выступлений мировых лидеров на 72-й Генеральной Ассамблее ООН, выложенные на официальном сайте этой организации [GAUN].

Обнаруженные ошибки мы разделили на группы в зависимости от того, насколько серьезную помеху они создают для передачи информации:

1. Неясность высказывания, приводящая к большим информационным потерям:

«Усиление потенциала по профилактической работе — еще один инструмент в важном арсенале профилактических средств»; «Регионально глобальные страны объединили усилия» (здесь и далее примеры даются по [GAUN]).

2. Двусмысленность:

«Был достигнут *прогресс* в украинском *конflikте*»; «Коллеги выступали о *мире*, который сейчас существует»; «Мы собрали наших *ушедших* и создали в Израиле процветающую демократию».

3. Отвлекающий комический эффект:

«Революции происходят в избирательных урнах, а не с помощью выстрелов».

4. Необходимость дополнительного времени и усилий на обдумывание:

«Мы хотели бы войти в тройку САДК, после того как с 2017 года нас избрали в этот орган»; «Эти межконтинентальные и баллистические ракеты более чем за 20 лет спустя конца холодной войны — зачем и почему таким диктаторам требуется такая роскошь?».

5. Нарушение тех литературных норм, которые считаются важными для успешного функционирования русского языка (они отражены в программах среднего и/или высшего образования):

«Катар *развивает* планы *развития*».

Такого рода ошибки отвлекают от содержания речи, заставляя чуткого к языку слушающего мысленно поправлять говорящего. К тому же они снижают уровень доверия слушающего к профессионализму говорящего.

6. Кальки синтаксические, фразеологические, лексические:

«У нас достаточно ресурсов, чтобы каждый человек жил *в условиях достоинства*, без страха или голода».

Диспропорция между затратами на восприятие некорректно построенных синхронистом высказываний и пользой от полученной информации заставляет искать резервы для повышения эффективности работы переводчика. Проведенные нами исследования показали, что значительная часть ошибок, относящихся к перечисленным выше группам, возникает в ходе применения стратегий синхронного перевода. К настоящему времени накопился не только положительный, но и отрицательный опыт, который необходимо изучить с опорой на новейшие достижения когнитивной лингвистики и на постоянно растущие знания о русском языке. Эти **методологические основы** позволят выработать дидактические рекомендации, с помощью которых можно будет повысить качество переводного текста без серьезной дополнительной нагрузки на синхрониста.

Основная часть. Большая часть ошибок в переводе, деавтоматизирующих процесс его восприятия, связана с издержками вероятностного прогнозирования. Начиная переводить фразу, синхронист стремится мысленно достроить ее. Его внимание концентрируется на предполагаемом конце предложения, а середина при этом дефокусируется (об этом аспекте см. [Ириханова]). В результате переводчик переносит в нее ту языковую единицу, которую держит в фокусе внимания, и возникает тавтология: «Он заслужил по заслугам» (вместо «получил по заслугам»).

Тавтология — одна из наиболее распространенных ошибок в синхронном переводе. Помимо психологических причин, включающих усталость, ослабление внимания, к ней ведет высокая клишированность официальных публичных выступлений. К этому добавляется общепринятая тактика синхронного

перевода — по возможности опираться на воспроизводимые сочетания слов; такой навык осознанно развивают при подготовке синхронистов: он повышает автоматизм речи, высвобождая время для решения задач неполной переводимости. Нередко в одном высказывании сталкиваются два клише, и переводчик не успевает выйти из автоматического режима их применения в режим обдумывания вариантов замены свободными сочетаниями. Это порождает такие, например, фразы: «ООН помогает многим развивающимся странам встать на путь развития». Восприятие перевода адресатом может усложняться, если одно из родственных слов выбрано неудачно, например, допущено нарушение сочетаемости («Мы *ввели* и провели *реформы* наших законов»), или однокоренные слова связаны отношениями антонимии («Это позволило найти выход из тупика в ситуации, которая поставила под опасность ядерную безопасность»), или узуальные терминологические сочетания заменены дословным переводом номинаций исходного языка («Было признано право еврейского народа на *национальную родину* в нашей *исторической родине*»; следовало сказать «на национальное самоопределение в исторических границах»).

Для синхронного перевода очень важны структурные особенности переводящего языка. В русском языке подлежащее может находиться как в начале, так и в конце предложения, а зависящая от этого обстоятельства коммуникативная перспектива высказывания может быть прямой или обратной [Всеволодова]. Носитель русского языка автоматически выбирает необходимый вектор. Сложность состоит в том, что в части рабочих языков ООН — в английском или французском — подлежащее должно занимать в предложении начальную позицию, так что исходным языком задается прямая перспектива, которая до поры до времени может совпадать с перспективой в переводящем языке. Когда же синхронист сталкивается с обратной перспективой, он в силу инерции не успевает сменить вектор в сторону, противоположную фокусу внимания. Приведем пример нарушения литературной нормы, которое адресат с хорошим чувством языка может воспринимать как комичное. Предикативная часть «история человечества будет поражена еще одним печальным пятном» содержит неточное соответствие русскому фразеологизму «темное пятно на истории человечества». Чтобы избежать неудачной образности, нужно начать предикативную часть с локатива; при

этом субъект окажется в конце высказывания: «на истории человечества останется еще одно темное пятно». Для переводчика важно понимать, что все слова при трансформации такого рода остаются на своих местах, меняется лишь падежная форма первого слова, и с ориентацией на нее корректируется вся грамматическая конструкция.

Нередко выбор косвенного падежа для начального слова связан с ограничениями на его сочетаемость со сказуемым, которое может появиться лишь через несколько секунд звучания исходного текста. Так, двусоставное предложение «Предотвращение жертв среди беженцев *означает всё*, кроме возведения барьеров» следовало бы заменить односоставным — «Ради предотвращения жертв среди беженцев *можно пойти на всё*, кроме возведения заграждений», но синхронист, понадеявшись на свой опыт прогнозирования, не стал применять стратегию ожидания и дальше был вынужден пойти на синтаксическое калькирование.

Расхождения в выборе грамматической формы первого слова в предложении носителями английского и русского языков стало предметом этнолингвистических споров, начало которым положили работы А. Вежбицкой [Вежбицкая: 70–73]. Много писали об ослабленной агентивности. И действительно, перевод на русский язык нередко оказывается некорректным из-за того, что для подлежащего-агенса не находится узואльно сочетающегося с ним сказуемого, однако при выдвигении в начальную позицию сирконстанта или второстепенного актанта и дефокусировании агенса путем его перевода в косвенный падеж у сказуемого обнаруживается способность сочетаться со всеми относящимися к нему словами. Сравним: «Эта организация поставила развитие в качестве своей цели» и «Развитие стало целью этой организации».

Другая описанная нами ранее [Евтушенко] особенность отражения некоторых ситуаций русским языком — большой антропоцентризм по сравнению с французским или английским языком. В рассмотренном выше корректном примере перевода «Ради предотвращения жертв среди беженцев можно пойти на всё, кроме возведения заграждений» появляется психологический субъект, способный оценить ситуацию и подставить в нее себя — «можно пойти на всё». При точном переводе исходной фразы субъект в моделируемое ментальное пространство не перемещается: «Предотвращение жертв среди беженцев означает всё, кроме возведения барьеров».

Подобные контрастивные исследования сами по себе интересны, однако их прогностическая ценность близка к нулю. На практике синхронист опирается не на картину мира, а на выстраивание сочетаемости. Неизбежные потери времени на синтаксические трансформации иногда компенсируются компрессией.

Синхронист должен всегда учитывать, что начало фразы является слабой позицией. Вероятностное прогнозирование, опирающееся на прошлый опыт, может заставить его сделать неудачный выбор не только в грамматическом, но и в референциальном отношении, например: «*Проблематика* Ближнего Востока по-прежнему является серьезной угрозой перед лицом международного мира и безопасности». Синхронист начинает с книжного слова, обозначающего категорию высокого уровня абстракции, что ему кажется логичным в дипломатическом тексте. Однако появляющееся через три слова сказуемое требует связи с подлежащим, которое указывало бы на конкретный денотат: «*Нерешенные проблемы* Ближнего Востока — это серьезная угроза миру и безопасности планеты». В специальной литературе обсуждался вопрос, можно ли в подобных случаях повторять попытку перевода с уточненного начала, но он не получил однозначного ответа, поскольку платой за качество текста должно стать упущенное время. На практике встречаются ситуации, когда женщины-переводчицы после запинки перестраивают фразу. Это соответствует выводам гендерной лингвистики, что «при формальном общении <...> женщины более чутки к престижному варианту, чем мужчины» [Гендер и язык: 105].

Выбор эквивалента для сказуемого нередко зависит от понимания интенций говорящего. Переводя: «Каждое правительство *обязано* перед своими гражданами», синхронист предполагал, что иллокутивная цель высказывания — критика невыполнения правительством возложенных на него обязанностей, т. е. предложение могло бы разворачиваться так: «Каждое правительство *обязано* сосредоточиться на решении проблем граждан, однако...» Между тем высказывание оказалось началом энтимемы: «Каждое правительство имеет *обязанности* / *обязательства* перед своими гражданами. Поэтому...» Ошибки в выборе сказуемого объясняются также существованием полипропозитивных предложений. Синхронист не всегда оказывается способен предугадать количество пропозиций и выстроить их иерархию. Рассмотрим пример: «За последний

год Замбия добилась существенных подвижек в своем развитии, и мы *при полной решимости обеспечить* всеобъемлющую парадигму развития на основе повестки дня до 2030 года по линии ООН». Сказуемое «полны решимости» переводчик принял за формулировку условий протекания действия (могло бы звучать так: «и мы при полной решимости обеспечить всеобъемлющее развитие страны проводим социально-экономические реформы»).

При переводе сложных предложений основную массу ошибок порождает стратегия сосиссонажа. Нередко она сочетается с буквальным переводом концептуальных метафор, которые в исходном и переводящем языках не совпадают. При переводе по частям произнесенная синтагма дефокусируется, и синхронист не замечает ее образного рассогласования с последующей частью. По мере развертывания высказывания когнитивные сбои накапливаются, и слушающий уже не может не заметить абсурдности целого, как в следующем примере: «Стены на границах калечат науку, культуру, они становятся подпиткой ненависти и душат свободу». С одной стороны, здесь представлена антропоморфная метафора («стены – участники избиения, душители»), с другой – вещественная метафора («стены – питательные субстанции»).

При переводе сложноподчиненных предложений проблемы могут возникнуть из-за неожиданных разворотов коммуникативной перспективы. Вернемся к примеру, который фрагментарно уже приводился выше: «Данная трагедия, если останется без внимания, то история человечества будет поражена еще одним печальным пятном». В русском языке выражается сначала условие (описание гипотетической ситуации предворяется союзом), затем его реализация: «Если данная трагедия останется без внимания, то...» Теперь смоделируем траекторию движения мысли синхрониста: переведя подлежащее и настроившись на прямую коммуникативную перспективу ТЕМА – РЕМА, он обнаруживает, что рема состоит из двух ступеней – условия и следствия его невыполнения, а для выражения условия на родном языке надо предварить появление подлежащего союзом. Вектор движения мысли неизбежно разворачивается в направлении, обратном изначально прогнозировавшемуся. Этот сбой создает психологическое напряжение, что отвлекает внимание синхрониста от необходимости еще раз развернуть коммуникативную перспективу во второй предикативной части. Суммарный эффект от ошибки сильно осложняет восприятие перевода.

Выводы. Качество синхронного перевода ощутимо зависит от навыка профессионального использования переводящего языка. Наше исследование показало, что надеяться на один лишь опыт в выработке такого рода навыка нельзя. Необходимо специальная подготовка, в основу которой должны быть положены теоретические знания о типах и видах ошибок, возникающих в процессе использования русского языка для целей синхронного перевода, об их причинах, о рисках, которыми они чреваты, об оптимальных способах их предотвращения. Формирование нового направления, которое мы условно называем «Русский язык синхронного перевода», только началось, но у этой работы большие практические перспективы.

При разработке теоретических положений заявленного направления и дидактических рекомендаций для обучающихся необходимо опираться на многоаспектную модель синхронного перевода, представляющую собой совмещение динамической, когнитивной, денотативной, интерпретативной, коммуникативной моделей [ОПП]. Иными словами, нужно понимать, что происходит в сознании переводчика в каждый момент восприятия первичного текста, как под влиянием его индивидуальных знаний и психологических особенностей деформируется образ денотата, какие «содержательные (а возможно, и формальные) особенности текста влияют на увеличение или уменьшение количества вариантов встречного конструирования» [Яковлев: 69], в каких структурных и функциональных особенностях переводящего языка заложены риски продуцирования девиантных форм, какие номинативные средства и грамматические структуры всегда наготове, а к каким быстрый доступ затруднен и почему, как на выбор средств выражения влияет коммуникативный контекст и многое другое.

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Москва: Русские словари, 1997. 416 с.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. Москва: Изд-во МГУ, 2000. 501 с.

Гендер и язык. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.

Евтушенко О.В. Структура фразы в русском литературном языке первой трети XIX века как проявление билингвизма дворянской интеллигенции // Полилог. 2006. № 4. С. 184–191.

Зимняя И.А., Чернов Г.В. Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода // Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике / Ред. А.А. Леонтьев и др. Москва: Ин-т языкознания АН СССР, 1974. С. 110–116.

Илюхин В.М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода): Дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. лингвистич. ун-т. Москва, 2001. 223 с.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

Михайлова Е.Е., Фомин А.Г. Ошибки в процессе синхронного перевода // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 178–183.

Нелюбин Л.Л. Переводоведческая лингводидактика: Учеб.-метод. пособие / Л.Л. Нелюбин, Е.Г. Князева. 3-е изд. Москва: Флинта: Наука, 2009. 320 с.

ОПП – Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; отв. ред. М.Б. Раренко. Москва: ЦГНИИ, 2010. 260 с.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. Москва: Международные отношения, 1978. 208 с.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. Москва: Воениздат, 1979. 183 с.

Яковлев А.А. Психолингвистические аспекты перевода. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. 160 с.

GAUN – General Assembly of the United Nations: General Debate of the 72nd Session. URL: <https://gadebate.un.org/en>.

References

Vezhbitskaya A. Yazyk. Kultura. Poznaniye / Per. s angl. Moskva: Russkie slovari, 1997. 416 s.

Vsevolodova M.V. Teoriya funkcionalno-kommunikativnogo sintaksisa: fragment prikladnoj (pedagogicheskoj) modeli yazyka: Uchebnik. Moskva: Izd-vo MGU, 2000. 501 s.

Gender i yazyk. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury, 2005. 624 s.

Evtushenko O.V. Struktura frazy v rusском literaturnom yazyke pervoj treti XIX veka kak proyavlenie bilingvizma dvoryanskoj intelligencii // Polilog. 2006. № 4. S. 184–191.

Zimnyaya I.A. Chernov G.V. Veroyatnostnoe prognozirovaniye v processe sinkhronnogo perevoda // Predvaritelnyye materialy eksperimentalnykh issledovaniy po psikholingvistike / Red. A.A. Leontyev i dr. M.: In-t yazykoznaniya AN SSSR, 1974. S. 110–116.

Ilyukhin V.M. Strategii v sinkhronnom perevode (na materiale anglo-russkoj i rusko-angliyskoj kombinatsij perevoda): Dis. ... kand. filol. nauk / Mosk. gos. lingvistich. un-t. Moskva, 2001. 223 s.

Iriskhanova O.K. Igry fokusa v yazyke. Semantika. sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury, 2014. 320 s.

Mihajlova E.E., Fomin A.G. Oshibki v processe sinkhronnogo perevoda // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 1. S. 178–183.

Nelyubin L.L. Perevodovedcheskaya lingvodidaktika: Ucheb.-metod. posobiye / L.L. Nelyubin. E.G. Knyazeva. 3-e izd. Moskva: Flinta: Nauka, 2009. 320 s.

OPP – Osnovnyye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyj opyt). Terminologicheskij slovar-spravochnik / Otd. yazykoznaniya; otv. red. M.B. Rarenko. Moskva: TsGNII, 2010. 260 s.

Chernov G.V. Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1978. 208 s.

Shiryayev A.F. Sinkhronnyj perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda. Moskva: Voenizdat, 1979. 183 s.

Yakovlev A.A. Psikholingvisticheskiye aspekty perevoda. Krasnoyarsk: Sibirskiy federalnyy universitet, 2015. 160 s.

GAUN – General Assembly of the United Nations: General Debate of the 72nd Session URL: <https://gadebate.un.org/en>.

Сведения об авторе: Евтушенко Ольга Валерьевна; доктор филологических наук, доцент; Московский государственный лингвистический университет; профессор кафедры русского языка и теории словесности; ovae@list.ru. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, теория дискурса, язык художественной литературы, стилистика для переводчиков.

The author's profile: Evtushenko Olga Valerievna; Doctor of Philology, Assistant Professor; Moscow State Linguistic University; Professor, Department of Russian language and Theory of Literature; ovae@list.ru. Field of scientific interests: cognitive linguistics, discourse theory, language of fiction, stylistics for translators.